

18+

ГАЛИНА ГЕТТИНГЕР

Прикосновение

КНИГА ПЕРВАЯ.
Я ХОЧУ ТЕБЕ СКАЗАТЬ...

Галина Геттингер

**Прикосновение. Книга
первая. Я хочу тебе сказать...**

«Издательские решения»

Геттингер Г.

Прикосновение. Книга первая. Я хочу тебе сказать... /

Г. Геттингер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-641325-2

«Прикосновение» — книга о юной девушке, одержимой своей мечтой самовыражения, о её взрослении и становлении как личности. Аляк Бордина, заведя дневник, вдруг обнаруживает в нём загадочную и непонятную особу, задающую слишком много вопросов, типа: — «Что правит жизнью? Что решает судьбу? Отчего так стыдно и радостно одновременно?» Эта книга о любви девочки, готовой пожертвовать собой, но совершенно не умеющей бороться за себя, беззащитной перед силой неблагоприятно складывающихся обстоятельств.

ISBN 978-5-00-641325-2

© Геттингер Г.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть первая.	9
Запись первая	10
Запись вторая	13
Запись третья	17
Запись четвертая	19
Запись пятая	22
Запись шестая	30
Запись седьмая	34
Запись восьмая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Прикосновение Книга первая. Я хочу тебе сказать...

Галина Геттингер

© Галина Геттингер, 2024

ISBN 978-5-0064-1325-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0064-3210-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Весна нынче стоит просто удивительная!

Отовсюду несется звонкая песня льющейся с крыш воды. Воздух наполнен влагой и пробуждающимся зеленым листом. По ночам еще прохладно, и образовавшиеся днем лужи затягивает хрупким льдом. Но все до предела насыщено весной.

Есть что-то волнующе знакомое в этом полном свежести неизъяснимом аромате! И, ощущая пробуждение природы, просыпаешься сам, в голове звучат строки Пушкина:

*Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать, уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты!*

Под звук ломающегося льда передо мной явно возник образ давно забытой Альки, стеснительной особы, любившей в одиночестве гулять по степи, разговаривая с травами, одушевляя каждую былинку, представляя ее то персонажами из сказки, то героями из далекого космоса.

Образ этой наивной девочки почему-то тревожил и будил спрятанные под грузом времени воспоминания. Охваченная ностальгическим желанием, порывшись среди давно забытых вещей, она извлекла на свет тетрадку, исписанную неуклюжим почерком. Поднеся ее к лицу, ощутила неувядающий запах времени, от которого сжимается сердце, и набегающие такие упительные воспоминания.

Проснулось запоздалое чувство признательности и нежности к свидетелю первой любви.

*Первой любви не сотрется печать.
Будем друг друга всю жизнь вспоминать.
Общие сны будут сниться обоим!
Разум обманем и сердце закроем.
Но о прошедшем тоска не умрет,
И уж любовь не придет, не придет.
Нет, уж любовь не придет.*

В. Курочкин

Вдохнув неповторимый запах юности, отправилась в страну Алькиных воспоминаний, с удовольствием бродя в дебрях прошлого, где слышалось рокотание Томи, вставали незабываемые пейзажи тайги.

Трудно жить, не познавая себя в прошлом.

В этом путешествии, не подвластном силам времени, мы снова переживаем взлеты и падения в таких загадочных и романтических чувствах, как влюбленность, первая любовь...

Охватило запоздалое раскаяние – никто так и не услышал этих признаний, неужели они так и умрут, никого не одарив счастьем и радостью?

Вдруг стало понятно, зачем пришла эта юная особа по имени Алька и чего она ждет от меня.

Как быстро мчатся годы, так много хочется успеть. Но если не испытал сильных чувств, не смог найти и увидеть хорошее и плохое, прекрасное и мерзкое, пережить горечь разлук и радость встреч, то все это будет вычеркнуто из твоего существования, а жизнь лишится прелести воспоминаний.

Надо пытаться жить так, чтобы могли проявиться все качества нашей души. И прекрасно, если нас омывает чистая проточная вода жизни, а не тихое стоячее болото вокруг.

И когда ветер жизни ставит все вокруг на дыбы, не надо бояться. Ведь это прекрасная возможность проявить и узнать себя в этом мире, почувствовать, куда тебя влечет, против чего ты и на чьей стороне.

Что смог внести в свой Жизненный план, чтобы пройти эти испытания, чему-то научиться, понять, пересмотреть.

Чего ищет твоя душа?

Невозможно всю жизнь быть осмотрительным и благоразумным! Иначе как узнать, что такое твое «Я»? А лучшая его половина так и проспит, не принеся пользы ни себе, ни людям.

Ах, как хочется дотронуться до каждого сердца, проснись и пой!

Мы пришли в этот мир не только ради хлеба насущного, хотя без него нет этой самой жизни, не спорю. Но нельзя забывать и то, чем жива – душа человеческая – любовь!

Вспомните, как любили или как вас любили!

Я уверена, у каждого есть что вспомнить. Ведь были же, помимо невзгод, и чудные мгновения, улыбнемся, припоминая минуты упоенья.

«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. И тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватываясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом своим стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты? Но время проходит, и мы плывем мимо высоких туманных берегов Несбывшегося, толкая о делах дня».

Ну как после этих удивительно верных и прекрасных строк Грина, готова ли ваша душа к полету, чудесному порыву?!

Или ничто так и не шевельнулось в вашем сердце?

Неужели не зазвенел далекий отголосок того прекрасного, о чем когда-то мечталось, но так и не случилось и, если быть честным, уже никогда не случится?!

Давайте почаще обращать свои взоры к поэзии, чтобы окрасить наши серые будни в яркие цвета любви.

А то как в нестареющих строках Соловьева:

*Мы живем и мертвеем,
Наше сердце молчит.
Мы понять не умеем,
Что нам жизнь говорит.
Отчего мы стыдимся
Слов нескромной весны?
Отчего мы боимся
Видеть вещи сны?
Наша радость застыла
В темноте и в пыли,
Наши мысли покрыла
Паутина земли.
Но душой усталой*

*Мы должны подстеречь
Для любви небывалой
Небывалую речь!*

Пусть нежность, доброта наполняют ваши сердца. Любовь не ведает агрессии и сильна именно своим бескорыстием. Постарайтесь не потерять Ее в погоне за удовольствиями.

Иначе остается только «живот», но уныло, скучно жить ради него. Или нет?

Впрочем, если удалось хоть немного отвлечь вас, уважаемый читатель, от прозы жизни, тогда вперед, за легкомысленной Алькой!

С благодарностью за внимание,
Галина Геттингер

**Часть первая.
Лучик солнца на щеке**

Весна 1969 г.

Запись первая

Глубоко в сердце звучат вопросы: «Кто я, зачем родилась и для чего дана мне эта жизнь?» Наверно, каждый, как и я, чувствует в душе, что родился для чего-то очень важного. Только вот как понять это назначение и выбрать нужное направление?

Ах мысли смешались, запутав все мои представления... Где ты, мой путь? Твои очертания такие неясные. Вот и спешу все узнать и понять.

*И жить торопится,
И чувствовать спешит.*

Это, наверно, Пушкин обо мне сказал. Такая вот я торопыга и любознателька!

И все-таки почему мне так хочется писать? Писать о жизни маленькой девочки в незнакомом и порой таком страшном мире взрослых.

Говорят, человек осознает себя, когда пишет.

Правда, не помню, кто это сказал, но будто слово из человека высвобождает самого человека.

Интересно, как это?!

Но так сложно написать это слово, особенно здесь, на бумаге! Да, говорить, однако, гораздо легче...

Хотя произносимые слова в момент произношение несут уже иное значение.

Вообще, я заметила, что не только произнесенные, но и написанные слова излучают какую-то силу, и это оказывает прямое воздействие на мою жизнь.

Сомневаюсь, что смогу уникально писать, как это получается у других. Но так страстно хочу это делать, что, преодолевая свою робость, неуверенность и страх, сразу кинулась на абордаж этих белоснежных листов. Рука застрочила сама по себе.

Меня сковывает ужасная стеснительность и боязнь – открыться, высказаться. Терзают мучительные сомнения в себе, в правильности своих слов и поступков. Страх осуждения, презрения, смеха над собой. А так хочется свободы в желаниях, поступках, свершениях – да хотя бы просто в этих самых словах.

Где найти возможность самоутвердиться? Как? Не знаю!

Выручают книги. В них без всякого стеснения стараюсь найти ответы на эти самые вопросы. Хотя и тут нет полной свободы. В библиотеке навязывают другую литературу, определенную для каждого школьника соответствующего возраста.

В школе тоже все запрограммировано, даже для сочинения на свободную тему нужно все равно придерживаться заданного направления.

Где же она, эта свобода?! И есть ли она вообще???

Вот, решила обрести свободу здесь.

Посмотрим, высвободит ли слово из меня человека, настоящего человека, и каков он, этот настоящий человек?!

Опять терзают неуверенность и страх ошибки.

*И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.*

Значит, так: пишу для себя, и подите прочь все эти вопросы, страхи, сомнения, даже те, что возникли сейчас перед этим листом.

Ну и вступленище получилось!

На фи́га полезла в эти заумные дебри, этак заумненько, прям наимудрейшая из наимудрейших. Ха-ха-ха! Но шутки в сторону, настраиваюсь на состояние творчества. Ха, ну и придумала же – творчества!

Что это такое? Слыхала, какой-то процесс.

Ладно, кончаю болтовню и начну, пожалуй, с самого детства.

Страна детства! Ты такая светлая и прекрасная...

Казалось, не осталось ничего от тех моих детских лет, но в памяти все еще таится их добрый свет. Вспоминаются теплые мамины руки, заботливо укрывающие перед сном, длинные солнечные летние дни и многое другое – светлое и безоблачное, как само ставшее таким далеким-предалеким – детство... Хотя, по сути своей, оно ничем не отличается от всех моих сверстников, родившихся по окончании Великой Отечественной войны, где присутствовала неповторимость каждой жизни, отданной за победу. А мне не довелось стать героем, совершив какой-нибудь подвиг. Впрочем, интересно, способна ли я на подвиг? Итак, страсти улеглись, наступило мирное время, и появилась в *тридевятом царстве*, таком непонятном *тридесютом государстве* я, Алька Бордина! Весь мир тогда для меня был полон открытиями, переливаясь всеми цветами радуги, там царили радость и восторг по всяким пустякам, которые теперь кажутся так глупы и наивны. Но порой хочется вернуться туда и снова ощутить этот непонятный восторг и трепет перед каждым проявлением жизни, где все ликует, кружась вместе со мной.

Это я, блаженно счастливая, откусив кусочек от еще горяченького пирожка, держа его в руке, выделяю всевозможные *на* ногами, целиком отдаваясь движению звучавшей только во мне музыки – представляя себя этаким великой балериной. А выкрашенные в желтый цвет старенькие половицы, поскрипывая, танцуют со мной, но, как всегда, неожиданно наступает ночь, и приходится неохотно идти спать. Зато утром, вновь беззаботно улыбаясь, подставляю свою круглую мордашку ласковому солнышку и вновь пребываю в полном блаженстве. Ах, ну как приятно жить этим удивительно прекрасным мгновением, быть верной только ему, ощущая теплый лучик на щеке! Но лучше все же по порядку. Итак в этом *царстве*— *государстве* родилась я, Алька Бордина – этакая малюсенькая девочка, честно говоря, совсем неожиданная и нежеланная им. *Тридევятое царство* называлось *Алтаем*, и центр его для меня располагался в маленьком рабочем городке, совсем далеко, далеко от бурной и деятельной жизни всяких знаменитых и важных людей. Местные жители проживали в своих домах и маленьких домишках (это тем, кому повезло), ну и в бараках. Появится на этот свет угораздило в самый разгар зимы, в декабре. По подсчетам горячо любимой бабушки Нюры, это произошло в канун старинного праздника святой Варвары. Поэтому бабушка настаивала на этом имени. Но мама со свойственной ей категоричностью заявила:

– Варьки у нас не будет! Хватит, меня Дунькой назвали, никаких Варек!

В итоге получила имя Алина, уж больно оно нравилось маме. Ну я, конечно же, не в претензии, оно меня вполне устраивает. Год рождения, по моему разумению, тоже ничем примечательным не был отмечен. Уже увлекшись астрологией, узнала, что это был год лошади. Так вот откуда эта непонятная тяга к таким красивым животным! Но, честно сказать, поездить на лошади довелось всего один раз и при весьма обыденных обстоятельствах. Лошадка месила глину, а мне, непоседливой пятилетней девчонке, не могли отказать в удовольствии, посадив на ее спину без всякого седла. Тепло и трепет бедной кобылки ощущаю и поныне. Ну вот, опять отвлеклась от последовательности, прыгаю по разным неважным эпизодам. Хотя, как сказать... Семья, в которой довелось появиться на свет, состояла аж из семи человек. Мама, ее старшая сестра Лиза и брат Виктор работали, бабушкин муж, седой и угрюмый старик, болел. Врачи нашли у него какой-то *рак*. У бабашки родилась от него дочь Валя, которая опередила меня всего-то на несколько месяцев, а воображает, словно на годы. Так что нас кормили две мамы – бабушка Нюра и моя мама, подменяя друг друга на время отсутствия. Вот так мы

с ней оказались еще и молочными сестрами. Еще был мамин младший брат Иван, которого мы с Валею дразнили *Ванька-рыжий*, но не за внешность, а за его скверный характер. Он нам платил той же монетой, хуже того, распускал руки. Но мы успевали скрыться в надежном месте и затаиться, пользуясь нашим преимуществом: двое лучше, чем один. Наше положение с мамой ухудшилось еще и тем, что она рассталась с моим отцом буквально через месяц (двадцать один день, как любит констатировать мама) после их свадьбы (если это вообще можно назвать «свадьбой»). Так что мое появление на свет никого не осчастливило. Вот поэтому мне не только не обрадовались, а предпринимались усиленные попытки избавиться от лишнего рта и обузы.

Но, наперекор всему, я родилась здоровым ребенком с весом пять кило. Моя молочная сестренка Валя оказалась такой же серьезной, как и ее больной отец. Мне удавалось ее развеселить, так как оказалась полной противоположностью – болтушка, хохотушка, вдобавок еще и толстушка. С Валею дружим до сих пор, и между нами нет никаких секретов, а вернее и надежней подруг, наверно, нет. Первое, что мы с ней освоили, – игру в карты, в дурачка, правда, карты были нарисованные от руки, самоделочные. А научил нас все тот же *Ванька-рыжий*. Мы частенько предавались этой игре, сидя на печке, ну а взрослые и рады, что не болтаемся у них под ногами. Помимо карт, которые скоро научились рисовать сами, мы еще классно вырезали из бумаги ножницами различные фигурки людей, а затем их разукрашивали.

Это так было здорово!

Додумались мы до этого сами, без всякой подсказки взрослых, да они и не умели вот так запросто, без всякой подготовки свернуть совершенно чистый лист бумаги пополам, вырезать половину фигуры человека, в одежде или без, а потом развернешь – и полностью готов бумажный человечек, только раскрашивай, благо цветных карандашей у нас было в достатке. Правда, иногда мы ссорились из-за общих любимых цветов – бирюзового и так называемого «алого».

Эти цвета использовались чаще всего и быстро превращались в маленькие огрызочки. Вскоре появился еще новый цвет – «салатный», который сразу же полюбился нами за необычность названия, при этом удивлял – почему он так называется?

Тридцать девятое царство, а вернее, городок, где посчастливилось родиться, тогда еще был рабочим горняцким поселком, вся деятельность которого вращалась вокруг шахты.

Но когда население поселка увеличилось до городских норм, то ему присвоили статус города. Хотя мир моего детства оказался намного обширнее городка с рабочим названием Горняк, в честь основного проживающего контингента.

Отец и мать расстались, но официально не развелись, и он должен был платить на меня алименты. К тому времени он уже успел обзавестись другой семьей, а несколько месяцев позже меня у него родился сын.

Шустрый папаша оказался, долго не переживал по поводу расставания. А мое рождение его интересовало меньше всего, тем более увидеть какую-то там дочь, которая для него была пустым звуком и потерей денег, *алименты*.

Впрочем, я тоже в те годы совсем не интересовалась его персоной, тем более желанием увидеть. И до недавнего времени вообще не задумывалась о его существовании.

От него мне досталась фамилия – Бордина, отчество – Борисовна. Все. Не было даже фотографии.

Моей маме, тогда еще совсем юной особе, очень хотелось побыстрее устроить свою судьбу. И не став засиживаться в Горняке, где места ей, видите ли, было маловато, совсем негде развернуться с ее эмоциями и желаниями, завернув меня кое-как в одеяльце («*бедное дитяtko, ножки совсем голы булы*», со слов бабушки), она умчалась в далекую и жаркую Киргизию, город Токмак.

Что-то я расходилась, расписалась не на шутку. Не пора ли и отдохнуть.

Запись вторая

В этом городе маме уже довелось пожить. Забрал ее туда дядя Павел, младший брат отца, моего деда Андрея, погибшего на фронте в сорок втором году.

Дядя Павел хотел помочь жене брата, моей бабушке Нюре, оставшейся совсем одной с детьми. Вот и взял мою маму, среднюю племянницу, на воспитание к себе.

Уж очень она напоминала ему старшего брата.

Чем обернулась помощь и воспитание, надо описывать долго и отдельно, поэтому пропускаю этот эпизод.

Прекрасный утопающий в зелени городок Токмак располагался да и располагается в предгорьях Тянь-Шаня, их пейзаж очень хорошо описан Чингизом Айтматовым, а мне с ним не тягаться, поэтому лучше него могут быть только сами горы.

Мама устроилась хорошо, работа – пожалуйста, детсад – тоже. Но возникли проблемы с моим здоровьем, и я стала постоянным клиентом больницы, а не детсада. Так как заболела двухсторонним воспалением легких и долго лежала в больнице, где и научилась ходить. Врачи поставили диагноз – здешний климат мне противопоказан.

Бедной маме пришлось вернуться в Горняк, несмотря на то, что там у нее появился любимый человек. Вот при этих обстоятельствах выяснилось, что не совсем уж ненужной я была для нее.

Но не слишком ли я увлеклась детством?

Хотелось просто излить поток своих мыслей на бумагу, а они вдруг выстроились в строгий ряд. И, кажется, слишком уж тут застряли.

Как же выбраться из этого детства?

Впрочем, честно сказать, чертовски интересно переосмысливать его здесь! Возникает такое ощущение, словно с каждой написанной строчкой создается совершенно непонятный новый мир, который воочию встает на этих листах. Получается, что любое написанное слово – это не просто набор букв?

Ладно, доверюсь слову. Вернувшись домой, мама долго не скучала по оставшемуся там другу и, как говорится, снова ринулась в бой, тем более ситуация располагала.

Старшая сестра Лиза выходила замуж, а мама приглянулась другу жениха.

Ну, мама долго не раздумывала (по-моему, ей вообще это не свойственно), и вот мы уехали жить в деревню к этому другу.

По маминым рассказам, между собой они ладили, он любил ее сильно, грех жаловаться. Проблема была в его матерях. Так получилось, что у него оказалось сразу две матери. Родная очень бедствовала и, чтоб ребенок не умер с голоду, отдала его своей старшей сестре, богатой, но бездетной. Когда сын вырос, обстоятельства сложились так, что все трое вынуждены были жить под одной крышей. Две матери постоянно делили его между собой, а тут еще моя мама заявила, да с чужим ребенком на руках.

Наивная молодая женщина попыталась наладить жизнь в этом аду. Но увы, все усилия оказались тщетны.

Тем более сам друг делал все против них же, а когда на заработанные трудовни купил радиоприемник, объявив: «Ну, Дусь, будем теперь новости и музыку слушать!» – маму буквально взорвало:

– Новости слушать! Музыку слушать! Может, еще и танцевать прикажешь под эту музыку?! Посмотри: у меня последние туфли развалились. Плясать под твою музыку босиком прикажешь? Босиком, но в шляпе, – закончила с грустью.

Ей стало нестерпимо жалко себя, своих напрасных трудов и надежд.

Более того, она чуть не поплатилась жизнью, вернее сказать, чуть не наложила на себя руки, когда выяснила, что беременна.

Спасибо тете Лизе, маминой сестре.

Она поехала в Горняк и все рассказала бабушке, ну та и кинулась спасать свою непутевую дочь.

Приехав и убедившись в истине тети Лизиных слов, со свойственной ей прозорливостью спросила:

– А ну-ка, доченька, побачь в окно. Подывилась! Ну шо, богато там свита?

– Что вы, и так ясно – весь белый свет, – удивилась мама.

– Вись бильый свит. А ты думаешь, вин тильки здесь? Дывись, сколько его снаружи. Жизнь бильше, чем те стены, в которых мы живем. Верю, як тебе тяжко, но треба жити. Господь дал нам цу жизнь, и тильки вин вправе ее забрать. Война, голод, нищета не сломили нас, теперь и треба жить да радуватися. Давай сбирайся, поихали до дому.

Вот так примерно с украинским акцентом все было сказано. И забрала нас оттуда.

Ну времена еще были очень тяжелые.

Бабушкин муж, Валин отец, все болел, Ванька-рыжий учился в школе, но как учился! Больше был в бегах, чем в школе. Работали только Виктор и бабушка. Но, несмотря ни на что, мы снова жили в доме, где мне довелось родиться.

Дом был очень старенький и частенько ремонтировался силами бабушкиных рук.

Ах, бабушка, бабушка! Моя милая, родненькая бабушка! Сколько ж тебе досталось?!

О твоей тяжелой и трудной доле надо тоже говорить долго и отдельно. Поэтому лучше оставляю эту тему. Главное, ты никогда не поддавалась да и не поддаешься никакому унынию.

С бабушкиной помощью мама избавилась от ненужной беременности, хотя чуть не умерла, но все-таки выкарабкалась, и наша жизнь пошла по старому руслу.

Для чего мне захотелось заострить внимание именно на этом моменте жизни?

Наверно, потому, что в это время я стала осознавать себя уже как нечто вразумительное. У меня появились этикие мыслишки, размышления, правда, короткие, как будто кто-то включал и выключал свет в моей маленькой головке.

Зато это было уже мое личное восприятие жизни. Хотя мама утверждает, что этого не может быть, слишком мала я была. Но я отчетливо помню место, куда мы с ней ходили за коровой, дом тети Лизы и ее светловолосого карапузика Павлика.

Очень хорошо запомнился огромный сундук, где мы с мамой сидели, а я почему-то вошлась позади нее, пока не упала. Падение длилось слишком долго, а внутри что-то сжалось от непонятного страха, испытанного во время падения. Этакое необъяснимое словами состояние.

Также запомнилось место, где мы с мамой ждали стадо, как бродили в зарослях, которые мама называла «забокой». Во мне до сих пор звучат интонации маминого голоса – «забока, ягодка, вкуснятина».

Именно с этих пор стала осознавать себя, свое «я».

Сама забока особенно врезалась в память еще тем, что здесь произошло нечто интересное. Там, в кустах, мы нашли живого маленького птенчика.

Мама объяснила, что он выпал из гнезда. Взяв его в руки, она попыталась найти это гнездо.

– Алька, хочешь поддержать? На, да не бойся, он не кусается.

С испугом взяла птенчика обеими руками. Тот сначала затрепыхался, а затем затих. Ощущая, как в теплом маленьком комочке что-то бьется внутри, спросила:

– Мам, а что это так стучит у него внутри?

– Наверно, душа птенца.

– А что такое душа птенца?

Мама положила свою теплую руку на середину моей груди и спросила:

– Чувствуешь, как здесь что-то шевелится и стучит?

С удивлением почувствовала, как под маминой ладонью что-то билось и трепыхалось.

Шепотом, словно боясь спугнуть, согласилась:

– Чувствую! Шевелится.

– Вообще-то, там сердце стучит, работает. Но рядом с ним находится душа каждого человека. А когда происходит что-то неожиданное или страшное, душа начинает беспокойно бегать по всему телу. Еще говорят: душа в пятки ушла.

– Да-да, бабушка Нюра часто так говорит.

– Верно! Вот душа птенца сейчас бежит от страха. Понятно?

– Понятно! Значит, и моя душа – тоже птенец?

– Считай, что тоже птенец.

Вот так я сделала для себя открытие.

Это птенец моей души так трепыхался во время моего падения с сундука. От ужаса падения птенец, наверно, хотел покинуть мое тело. Вот!!! И чуть не воспарила на небо от гордости собственного открытия.

Но с самых первых дней моего сознательного существования любимым местом моих игр был бабушкин двор. До сих пор помнится ощущение того неповторимого детского восторга, которое я испытывала, выбегая солнечным летним утром во двор! Где с головой окуналась в этот удивительно знакомый и в то же время такой загадочный и меняющийся мир запахов, звуков и совершенно неповторимых ощущений.

Мчась в каком-то диком водовороте дней и событий, гонясь за своими сиюминутными мечтами и пытаясь вникнуть буквально во все и во что бы то ни стало, успевая при этом отметить, как удивительно прекрасен распускающийся цветок, как чудесно пахнут деревья и трава после дождя, как чуден этот окружающий меня мир, переливающийся всеми цветами радуги на солнышке.

Просыпаясь очень рано, с удовольствием наблюдала, как просыпается от утренней прохлады еще сонная трава, как сверкают капли росы, висевшие на нежных лепесточках цветов, и переливаются на солнышке, словно драгоценные камни.

Как чудно просыпается к новому дню сама жизнь.

До сих пор прихожу в восторг от прикосновения теплых солнечных лучиков. О, это незабываемое ощущение тепла на своей щеке! Удивительное блаженство!!!

Так хотелось верить, что этот мир всегда будет со мной.

Нам частенько приходилось проживать в этом стареньком бабушкином доме, сплошь окруженном огромным огородом и палисадником. Мама уходила на работу, а я почти все свое дневное время проводила с бабушкой и Валею.

Но зато росла крепким и здоровым ребенком. После Киргизии ни разу не болела, врачи оказались правы: все дело было в климате. Воздух Алтая был родным, а сам Алтай — родиной.

Вскоре, после нашего возвращения, умер Валин отец.

Ах, как мы обрадовались сундучку этого угрюмого старика, теперь ставшему нашим достоянием, при этом не понимая слез взрослых. В сундучке находилось так много конфет, и чего он их не ел?! Затем в обиходе появилось загадочное слово свадьба. Все только о ней и говорили.

А мамин брат Виктор, которого мы с Валею очень любили, ходил какой-то радостно-возбужденный, и все называли его *женихом*, а его смуглую черноглазую Манечку – *невестой*.

Тут наше внимание отвлек новый постоялец.

Кстати, о постояльцах придется немного поподробнее.

Из-за вечных финансовых трудностей бабушка сдавала комнату. Семья большая, время после войны. Благо, желающих было полно.

Бабушка даже отдельный вход сделала в эту комнату.

Мы с Валею частенько наведывались туда, где всегда было шумно и весело. Парни все молодые, после трудовой смены в шахте были не прочь погулять, разрядиться. Нас они встречали радостными возгласами, да еще гостинцы давали.

Нам особенно приглянулись двое.

Один такой ласковый, с желтоватой кожей и комичным разговором, мама называла его «кореец», а мы возмущались:

– Нет! Его Ким звать! Он сам нам сказал.

Но мама только смеялась над нами, а мы сердились на нее.

Ким был такой добрый. Мне подарил свое крохотное домино. Храню до сих пор этикие маленькие черные прямоугольнички с белыми точечками в красивом деревянном футляре.

Другой был настоящий красавец.

Вся одежда у него была военная, особенно прельщала шапка с голубым мехом. Все называли его «Мороз». Мама нам объяснила, что у него фамилия Морозов, но все зовут «Мороз», потому что так короче. Я не хотела мириться с этим сокращением и называла его Морозов, при этом хорошо выговаривая все буквы, вообще, с речью у меня проблем не было. Морозов за это подбрасывал высоко к потолку и, смеясь, чмокал в щечку. Внутри от восторга замирал мой птенчик.

Вот так мы с Валею попеременно отдавали предпочтение то Киму, то Морозову, пока не заговорили о непонятной для нас *свадьбе*.

Но тут появился человек, который полностью завладел нашим вниманием.

Гриша, так звали нового постояльца, оказался веселым, плутоватым парнем. Своими проказами он напоминал Ваньку, но на него мы не сердились. Совсем не было обидно от его шуток. Наоборот, его мы просто обожали за все.

Гришина пышная шевелюра густых слегка выющихся волос полностью была в нашем распоряжении. Ах, как мы любили возиться с ней.

Его густой красивый голос с таким же говором, как у бабушки Нюры (сразу было слышно, что он украинец), звучал в наших ушах, как прекрасная мелодия.

Мама говорила:

– Не связывайтесь, девчонки, с ним, он еще тот хохол, аж с самой Украины приехал, глядишь, «бандеровцем» окажется.

– Бандеровец?! А это кто? – в ужасе спрашивали мы.

– Да тот же бандит, – смеялась мама.

Запись третья

Не прошло и недели, как этот «бандеровец» -бандит втерся не только в наше, но и мамино доверие. Он успевал оказывать знаки внимания нам с Вале́й, не забывая при этом и мою маму. Стремился во всем ей помочь, но особенно охотно ходил с ней по воду.

Возвращались они почему-то веселые, радостные такие, что мне совсем не нравилось, даже поделилась своей тревогой с Вале́й:

– Почему ему так интересно с мамой?

– Не знаю. Но вот няня Дуся зачем с ним связывается? Сама нас пугала, говорила бандит, а теперь смотри – хохочет, ну прям как маленькая! – по-взрослому возмущалась Валя.

И решили мы с Гришей больше не дружить, а маме сказать, чтоб держалась от него подальше. Гордые и довольные своей такой серьезной затеей, пошли спать.

Но, неожиданно для меня, в нашей с мамой комнате сидел Гриша и пил чай, болтая с мамой.

Я так обрадовалась этому, тут же позабыв об уговоре.

Гриша, заметив мою тетрадку, где я пыталась нарисовать домик, предложил помощь. Быстро и ровно нарисовал дом с окном, дверью и даже крыльцом. Но на этом его талант не иссяк, рядом с домиком возникли дерево, забор и даже человек.

Полюбовавшись рисунком, восторженно кинулась целовать, но, увидев, что он раздевается и, более того, хочет спать на маминой кровати, с возмущением вернула рисунок, заявив:

– Это моя мама, только моя. И спать с мамой буду я.

Гриша попытался уговорить, но тщетно, я непреклонно стояла на своем.

Тогда он сказал, что любит мою маму и хочет жениться на ней.

Я упрямо стояла на своем и, буквально вцепившись в мать, воскликнула:

– Женись, но спать мама все равно будет со мной.

Грише пришлось сдаться и уйти ни с чем.

Гордая и счастливая своей победой, прижалась к маме:

– Мамулечка, ты не бойся, я тебя никому не отдам, я всегда буду с тобой.

Но вот наконец-то настала долгожданная и непонятная *свадьба*. Виктор и Манечка, такие важные и даже чужие какие-то, но красивые и нарядные. Он в костюме, она в белом платье, а на голове *фата* (еще новое слово), сели в центре праздничного стола.

Вокруг народа, и все почти незнакомые для нас лица.

Все громко разговаривали между собой, не обращая на нас никакого внимания. Огорченно удалились на кухню, где, наевшись нашего любимого фруктового киселя, решили сыграть в картишки. Вдруг раздался крик, а потом шум, грохот. В испуге прижались друг к другу.

А брань уже перешла в дикие вопли. Наконец, все стихло, и, преодолевая испуг, подчиняясь любопытству, выглянули в коридор.

На полу лежал полуголый, связанный веревкой человек. Всезнающая Валя заявила:

– Это Манечкин брат, который только что из *тюрьмы* вышел. Мамка так сказала.

– А что такое *тюрьма*? – спросила шепотом, в ужасе не отрывая глаз от Маниного брата.

– Сама не знаю, – тоже шепотом ответила Валя.

Тут связанный человек зашевелился, задергался, пытаясь разорвать веревки. От бессилия начал дико ругаться бранными словами.

В ужасе, мы снова прижались друг к дружке. Опять набежали люди. Неожиданно кто-то подхватил меня на руки – оказался Гриша. В испуге прильнула к нему. Он, успокаивая, отнес меня в нашу комнату и долго еще держал на своих больших теплых руках, пока я не уснула.

А когда проснулась, он все еще был рядом, но уже с мамой. Увидев, что я проснулась, он нагнулся ко мне и шепотом, словно по секрету, сказал:

- Алечка, все боялся тебе сообщить, думал, вдруг не поверишь, я ведь твой папа.
 - Папка! Да ну?! Правда? – удивилась я.
 - Правда-правда! – подтвердила мама, присоединяясь к нашему разговору.
 - А почему ты с нами не жил?
 - Да сердился на маму, обижался.
 - А теперь?
 - Теперь простил, люблю вас обеих! – и обнял нас, прижав к себе.
- Счастливая, я тоже обняла его большую голову и, глядя в глаза, заявила:
- Ну, теперь ты от нас ни за что не уйдешь? Я не отпущу! И маме не позволю тебя обижать, договорились?
 - Договорились!
- Вот так в моей жизни появился отец.

Запись четвертая

Итак, в моей жизни появился отец, которому я очень и очень благодарна. Папка баловал меня, осыпал подарками и вниманием.

Так что чувствовала себя родной и нужной ему.

Иногда он качал меня, как маленького ребенка, на своих больших и теплых руках. И было так удивительно хорошо, что боялась дышать, чтобы случайно не спугнуть этот чудесный миг, когда согревалась и таяла моя душа, когда весь мир казался преогромным и необычайно добрым.

Вскоре мы уехали на Украину, родину отца.

Ощущения восторга и счастья переполняют при воспоминании себя, сидящей у него на плечах. Я даже самого Хрущева увидела, когда отец так высоко поднял меня на свои плечи.

Так получилось, что, когда были проездом в Харькове, Никита Сергеевич тоже был там с визитом. Хотя запомнились только серая шляпа, серый костюм и возбуждение толпы.

Украина! Название какое-то интересное, созвучно слову окраина, а ведь, действительно, за ней заканчивается граница Советского Союза!

Оказалось, папка родился недалеко от Киева, на маленьком хуторе, который состоял всего из одной улицы. Зато сколько на ней было пыли! И я вместе с местной детворой с удовольствием носилась по ней босиком. До сих пор мои подошвы ощущают ее теплоту и мягкость.

Хотя мама, моя меня вечерами в деревянном корыте, почему-то не разделяла моих восторгов, и ночью слышно было, как она выговаривала отцу:

– Ну зачем мы сюда приехали? Боже, какая это дыра! Люди живут, как в древности, словно сто лет назад. Твоя сестра, извини, Гриш, даже не знает, что такое трусы. Куда я попала, мы нищие, но, по сравнению с этим, нет слов.

Папка только смеялся и обнимал мать. Она же продолжала сердито ворчать.

Я, разумеется, склонялась на сторону отца, не понимая маминого недовольства.

А его сестра Галя, этакая огромная красавица, подкидывая меня на своих больших руках, с восторгом восклицала:

– Яка гарна дивчина. Настоящая краля, куколка, да и только, – и целовала куда попало.

Визжа, вырывалась. Но самой очень нравилось чмокать ее мягкую смуглую щеку.

Папин брат Николай, голубоглазый и светловолосый кучерявый паренек, был того же возраста, что и Ванька-рыжий. Но совсем не вредный, а наоборот, выполнял все мои желания. Даже перестарался, накормив зелеными яблоками, которые росли высоко на дереве.

Но мне непременно хотелось их попробовать, и он достал. А потом у меня разболелся живот от них, и тетка Меланья, папина мать, несмотря на пожилой возраст, очень красивая женщина (мама сказала, что она *мачеха* папе и тете Гале), побила Колю палкой. Но я заплакала и просила не бить его.

Удивительно, но она послушалась и даже чмокнула в щечку:

– Яко разумно дитятко.

Тогда меня любили, вернее, обращали внимание на мое присутствие.

Папка, напившись, почему-то поругался со своим отцом, дедом Макаром, обвиняя его в смерти своей матери.

Мама попыталась успокоить его, но он, накричав, ушел. Она долго плакала от обиды, а потом тоже ушла. Было так жутко и страшно остаться одной. Стала придумывать всякие истории, чтоб побыстрее уснуть.

Наконец, пришли успокоившиеся родители, и я тут же моментально заснула.

На следующий день они оба куда-то уехали, а когда вернулись, объявили, что уезжаем жить в другую деревню, уже и квартиру сняли. Когда легли спать, и, уютненько устроившись между ними, почувствовав себя в полной безопасности, поведала им происшествие дня.

– Представляете, тетя Меланья побила большую Галю большой железной поварешкой! – и сердце зашло от жалости к Гале, я заплакала.

Папа, обняв, сказал:

– Видишь, Дусь, какая она злая, жестокая женщина. Это она сделала Галку дурочкой, хорошо, я успел удрать еще пацаном из дома. Мачеха есть мачеха.

Мне стало страшно за папку, и я буквально возненавидела тетку Меланью, несмотря на то, что она всегда жарила мне мою любимую картошку. Она умела это делать, как никто другой. Вкус картошки не сравнить ни с чем, нигде больше не ела такой.

Через несколько дней мы уехали.

Это село было намного больше, чем папин хутор.

Помню, там, среди деревьев, стоял памятник какому-то мальчику в галстук.

Мама объяснила:

– Это памятник герою-пионеру Вале Котику.

– Ой, такая ласковая фамилия Котик. Мам, а где он сейчас?

– Убили фашисты.

– Фашисты?! А кто это такие?

– Немцы. Еще во время войны. Тогда здесь все *оккупировали* немцы.

– А что такое *оккупировали*?

– Вырастешь – узнаешь. Твой дедушка Андрей тоже сгинул на этой страшной войне. Как пришло последнее письмо из госпиталя в 1942 году – и все. Потом пришло извещение – пропал без вести. Ах, бедный отец, даже не знаем, где лежат его останки.

Сколько новых слов и понятий. Их все надо запомнить.

Мама, посмотрев на меня, обняла:

– Не бойся, доченька, надеюсь, тебя минует эта страшная доля. Не приведи Господи к еще такой войне, не дай испытать моей дочери голод и холод. Давай, Алиночка, спать, скоро папка с работы придет, а мы болтаем.

Я доверчиво прижалась к маме, люблю, когда она так ласково со мной говорит.

Но вскоре мы покинули и это село.

Оно запомнилось еще тем, что мы с большой Галей заблудились. Родители куда-то отлучились, а Галя была у нас в гостях. Сидели мы с ней, сидели и решили пойти на улицу. Гале захотелось домой, на хутор, мне тоже, Кольку повидать да и друзей. Взявшись за руки, мы тронулись в путь.

Вначале долго плутали по селу, затем вышли в поле и пошли по дороге. Благодать. Пшеница выше меня, стрекочут кузнечики. Захотелось пить, и мы зашли в первую попавшую на пути белую хатку.

Красивая тетенька в расшитой белой рубашке и красной юбке вынесла нам попить молока в глиняной крынке и отломала по большому ломтю хлеба:

– Тож смакуйте на здоровье!

Мы и смаковали за обе щеки. Вкуснотища такая!

Потом Галя куда-то пропала, а я осталась совсем одна.

Затем какой-то незнакомый дядька проехал на мотоцикле мимо, но тут же развернулся и спросил, как меня звать. Сказав, что меня уже везде ищут родители, велел садиться в люльку мотоцикла и отвез обратно домой.

Когда мама, плача, обнимала меня, говоря:

– Слава богу, нашлась заблудшая!

С возмущением вырвалась:

– Вовсе не заблудшие! Мы шли на хутор, а меня вернули. Я знаю дорогу. Галя тоже знает, – и начала подробно объяснять, куда и как мы шли: – Прямо-прямо по дороге, где в конце (по моему детскому разумению) непременно должен быть папин хутор.

Папа с мамой засмеялись и сказали:

– Умница ты наша!

Довольная собой, успокоилась.

Запись пятая

Очень сильно запомнилась ночь, когда мы приехали в город Свердловск, расположенный недалеко от Краснодона.

Встретил нас папин двоюродный брат, которого тоже звали, как и папку, только на украинский манер – Грицько.

Долго-долго шли по ночному городу. Кругом огни фонарей, и асфальт блестит от них, словно мокрый. Наконец, добрались до самой окраины, где в темноте возникло множество силуэтов каких-то сарайчиков, и вдруг совсем неожиданно очутились в большой комнате, наполненной ослепительным светом.

А в ней, словно в сказке, малюсенькая девочка, хлопающая спросонья длинными и светлыми ресничками, пытается понять, кто мы такие.

Темноволосая женщина с огромным животом воркотала что-то, мешая русские слова с украинскими.

Но уже не было сил понять ее. Разомлев от тепла, я мгновенно заснула. Маме пришлось раздеть меня, словно куклу. Ночью сквозь дремоту сна слышала громкий разговор, хлопанье дверей и шум отъезжающей машины. Но вырваться из чар сна не могла. Утром выяснилось – жену Грицка, тетю Таю, увезли в больницу рожать.

Я сразу подумала: «Так вот почему у нее такой большой живот. Там, оказывается, был ребенок».

Позавтракав, поехали на автобусе в больницу, где узнали, что родился мальчик. Дядько Грицько на радостях сплясал гопака под окнами огромного многоэтажного здания. Затем, с трудом оторвав плясуна от больницы, поехали с этой радостной новостью к родителям жены Грицка, которые проживали на другом конце города. Там, конечно же, началось радостное застолье. Взрослые так громко и возбужденно говорили, перебивая друг друга, при этом умудрялись и есть, и пить. Хотя мама запрещает разговаривать во время еды, твердя:

– Когда я ем – я глух и нем.

Ничего себе – немые!

Тут я заметила ночную принцессу – девочку, у которой родился братик. Она тихо и мирно сидела в уголке, забытая всеми.

Подошла к ней:

– Привет! Меня Алька звать. А тебя?

– Таня, — тихо ответила малышка.

– Пошли играть.

Таня, схватив меня за руку, радостно воскликнула:

– В бабушкин сад!

Девочка доверчиво взяла меня за руку, я сразу же ощутила себя такой важной, как взрослая! Кто-то доверился и мне.

Выйдя в открытую дверь, очутились в чудесном саду, где все деревья были усыпаны белорозовыми цветочками. Охватил непонятный восторг от красоты этих удивительных белых цветов. А тонкий восхитительный аромат благоухал по всему саду. Задрав головы вверх, мы безмолвно любовались деревьями, окутанными дивным туманом из чудных цветочков. Ощущения сказки, не хватало только дивной феи.

Неожиданно в сад вышла мама и с восторгом воскликнула:

– Ой, как красиво! Яблони в цвету!

– Мама, это яблони?! Они так красиво цветут?!

– Ну да, это и есть яблони. Потом, доча, из этих красивых нежных цветочков появятся твои любимые вкусные яблоки.

Тут в сад буквально вывалились остальные гости и заполнили его пьяным шумом и смехом.

Но в моей голове поселилась мечта, мечта о саде. Белых яблонь дым очаровал и пленил мою душу.

Взрослые еще долго заседали за столом, и пришлось заночевать у хлебосольных родителей тети Таи. Вернулись мы к дядьке Грицко только на следующий день, оставив маленькую Таню у бабушки с бабушкой.

По дороге обратно заехали на базар, который поразил своей необъятностью.

Маме особенно приглянулась толкучка, и она долго ходила среди всего этого барахла, держа меня за руку. Так долго, что я устала и еле волочилась за ней.

Папка с братом свалили куда-то, а вернулись уже навеселе. И, так ничего не купив, поехали домой к дядьке Грицко.

Потом мы неоднократно навещали этот базар, где мама увлеченно торговалась с крикливыми торговками, а я со страхом сжималась, глядя на этот шумный торг.

Прожили у папиного брата совсем немного, но в памяти осталось этакое множество сарайчиков и возле каждого – печка, а около них громко галдящие, перекрикивающиеся между собой женщины.

А детвора, в том числе и я, носимся вокруг, играя в свои игры.

По вечерам я выскальзывала из комнаты и, спрятавшись за какой-нибудь сарайчик (благо они были пусты), предавалась брани, произнося вслух все ругательные слова, услышанные днем от женщин. Чувство опасности, что совершаю этакое запретное, прям распирало меня.

Рядом с сарайчиками стоял длинный кирпичный дом, обнесенный высоким забором, в котором мы находили дырку и частенько туда навещались. До сих пор не знаю, что это было – школа или детсад? Но с завистью смотрела на детей, входивших туда через калитку.

Рядом целое множество барачков, мы поселились в самой середине этого барачного поселка. Нам досталась малюсенькая комнатка, там стоял только стул с железными ножками. Мама была недовольна этой комнатой и все время ходила разговаривать с каким-то *комендантом*.

В результате этих переговоров нам дали другую комнату в самом конце этого длинного коридора. Она оказалась побольше, и папа разделил ее на две половины. В одной мы спали, а из другой он сделал еще две, здесь получилась кухня и малюсенький коридорчик с умывальником. Мама все завешала шторами из цветного ситца, и я с удовольствием бродила по нашим *комнаткам*.

Но в этих чудных *комнатках* стали происходить довольно странные для меня вещи.

Папка почему-то начал куда-то по вечерам исчезать.

Однажды он так сильно рвался на улицу, что они с мамой чуть не подрались. Мне пришлось спрятать его туфли. Мы с мамой долго уговаривали его остаться дома, но он разозлился и заявил, что уйдет босиком, в одних носках. Мама загородила собой дорогу к двери, а он замахнулся на нее.

Я, разумеется, закричала от страха. Ну папка, тут же передумав, сказал:

– Ладно-ладно, остаюсь, но можно хоть в туалет сходить?

И ушел совсем раздетый на улицу. Мы так и легли спать без него.

А ночью проснулась от крика. Мама с папой громко и бурно выясняли отношения. Я расплакалась, и они замолчали. Затем легли спать порознь. Мама – ко мне, а папка – на их койке.

Хотя продолжили выяснять отношения шепотом, сквозь полудрему слышала, как мама обвиняла папку в измене с какой-то неизвестной Райкой.

Папка был совсем не похож на самого себя и грубо с наглостью отвечал:

– Вранье! Не веришь, так дуй обратно в свою Сибирь. Ты уже достала меня.

– На какие шиши я поеду, тем более с ребенком на руках? Кто сорвал меня с места, уговорил поехать на свою долбанную Украину, а теперь шагни тут разводишь!

– Подумаешь, поглядел. Да и не было у меня с нею ничего!

– Ах нет, говоришь?! Тогда где ты всю ночь шлялся?

Папка начал говорить маме о какой-то непонятной мне свободе и обвинять в том, что она слишком на него давит. Ну и много чего в подобном виде и тоне. Такие скандалы возникали всякий раз, когда папка приходил домой пьяный. А пить он стал все чаще и чаще.

Вот так, после очередного скандала мама не спала всю ночь. А днем ей стало плохо, папка был на работе. У меня закатилась под кровать игрушка, и, чтобы ее достать, маме пришлось приподнять кровать, отчего она неожиданно побледнела и упала. Тотчас возле нее появилась кровь, целая лужа крови!

В ужасе выскочила в коридор к соседям, которые вызвали скорую помощь, и маму увезли в больницу, а я осталась совсем одна, забытая всем миром.

Птенец моей души вновь так сильно затрепыхался, готовясь выпрыгнуть наружу. От непонятного ужаса заплакала. Плакала долго, пока не уснула.

Пришел с работы отец уже пьяненький с каким-то здоровенным мужиком, и разбудили меня. Они сели за стол, достали бутылку с водкой и продолжили пьянку.

Тут пришла соседка и забрала меня к себе, рассказав отцу о маме. Но сделала она все так быстро, что я даже не успела правильно одеться. Соседка дала мне свою старую кофточку, в которой я была похожа на *беспризорницу*, как утверждает мама.

Дальше все произошло так быстро, что вообще ничего не поняла.

Я играла с соседской девочкой в нашем длинном общем коридоре, как вдруг мимо пролетела моя мама. Обрадованная, кинулась за ней следом. Она буквально ворвалась в нашу комнату и, увидев сидящих за столом мужчин, крикнула своим зычным голосом:

– А ну пошли вон, чтоб духа вашего здесь не было! Вон!!!

Пьяные мужики, поначалу оторопев от неожиданности, были миролюбиво настроены, но затем здоровенный дядька не выдержал:

– Грицко! Ты шо, подкаблучник, что ли? Неужто позволишь бабе командовать?

Папка тут же бросился к маме с кулаками, мужик поспешил ему на помощь.

У меня со страху пропал голос, но худенькая мама, долго не думая, со всего маха как пнула дядьку между ног и тут же, быстро развернувшись лицом к отцу, успела рвануть на его груди рубаху и с придыхом, словно из последних сил, выдавила:

– Гриша, очнись! Ведь я тебе еще буду нужна, а друзья нет!

Он, словно протрезвев от этих слов, откачнулся от нее.

Тут мамин взгляд обнаружил меня, съезжившуюся от страха возле дверей, и у нее открылось второе дыхание. Она снова закричала, чтоб убирались вон из комнаты, что те и сделали.

Бедная мама, бросившись ко мне, упала на колени и принялась целовать и обнимать, говоря, что так любит меня и боялась оставить свою девочку совсем одну.

Затем, обнявшись, мы долго плакали.

А когда на следующий день домой вернулся, хмурый и весь какой-то помятый, отец, мама тихо, но твердо заявила:

– Уходи. У меня нет сил с тобой ругаться. Я ушла из больницы сама, мне одежду даже не хотели дать, боялись за мою жизнь, но я сказала, уйду голая, потому что там ребенок остался совсем один. Я одной ногой в могиле побывала и поняла, Гриш, на тебя надежды нет. Так что ругаться не будем, просто забирай вещи и уходи. А я ответственна перед дочерью, и вот ей я действительно нужна. Уходи.

Но, как ни странно, отец, все время куда-то рвавшийся уйти, вдруг передумал и начал умолять маму простить его.

Мне стало жалко его, и я начала просить маму простить его.

Мама не выдержала и уступила, напоследок бросив отцу последнее обвинение:

– Даже Алька просит за тебя. А ты бросил девчонку на произвол судьбы.

Папка виновато обнял, крепко прижав к себе.

После этого скандала у нас в доме наступил мир и покой. Вот так мы освоились с новой комнатой, которая, конечно же, запомнилась мне не только этими скандалами.

Здесь у меня появилась верная подружка Женька. Мы с ней очень дружно играли, помню, даже придумали новый язык, который понимали только мы с ней. Во дворе к нам все время приставала соседская девочка Валя, но мы убегали от нее. Нам так было интересно, что мы с неохотой расставались на ночь. А утром вновь бежали друг к другу, затем на улицу, где нас встречали ласковые теплые лучики летнего солнышка. Ах, какое оно было чудесное.

С Женькой я и начала придумывать всякие маленькие истории. Наша фантазия не имела предела. Если я придумывала историю для куклы, то Женька непременно додумывала интересное завершение этой истории и наоборот.

Ах, как здорово и интересно было!

Мама даже сфотала нас, но, увы, эта злосчастная Валя отвлекла ее, и на фотке нет Женькиного лица.

Очень хорошо запомнилась тоска по Жене, когда ее положили в больницу на *операцию*. Какую, не знаю, но само слово *операция* и его значение понимала. В нашем бараке один мужик порезал женщину, она была такая ласковая, добрая, и ей тоже делали *операцию*, а мы с Женей за нее переживали.

Я очень скучала по Жене. Но больше так и не увидела ее.

Вскоре мама сняла квартиру в частном большом доме, он был полностью в нашем распоряжении, к тому же большой огород. Но вначале пришлось пожить во временке у одной богатой и старенькой бабульки. Ждали, пока освободится дом. Во временке стараниями мамы было уютно и светло. А в доме у старушки, полном старинной блестящей мебели, всегда темно. Она почему-то боялась солнца, и еще во дворе у нее бегала на цепи злющая собака.

Собак я боюсь до сих пор, поэтому не люблю.

Новый дом оказался преогромным. Столько комнат, что я не сразу смогла выбрать из них. Большие окна, через форточку которых я неоднократно умудрялась вылезать, когда закрывали дома одну. Почему-то жутко было оставаться в замкнутом помещении. А на улице меня окружала целая толпа друзей, и мы лазили по пустырям, строя себе всевозможные шалаши.

Я уже тогда представляла себя таким Мальчишом-Кибальчишем.

Мама много читала книг, но особенно мне нравились не сказки, а именно рассказы Гайдара. Мне было пять лет, а я уже знала все его рассказы и особенно «Военную тайну», которую просила почитать очень часто, искренне надеясь на благополучный конец. Вдруг за день все изменится. Так сильно я переживала за судьбу маленького героя.

Впрочем, это не мешало возвращаться домой мокрой, грязной, но полной радужных планов на завтра. Папка ругал меня, говорил, что девочки так себя не ведут, а затем мыл, одевал в сухое и кормил. И я засыпала с куском хлеба в руке. Он нес в постель, заботливо укрывая.

Но если дома была мама, то мне попадало. Особенно досталось, когда потеряла ключ от дома, и мама меня чуть не убила, так как я в страхе пыталась убежать от нее. Ох, как мама бывает жестока в гневе. Может просто убить.

Но кончилось все неожиданно легко. Отец решил проблему, сказав маме:

– Увольняйся. Ребенок важнее всяких денег. Да и мне лучше, когда ты дома.

Рядом с нашим огромным домом ютилась маленькая беленькая хатка, которую мама называла летней кухней, и там проживали две молодые симпатичные веселые женщины, часто угощающие меня конфетами.

Наш дом был почему-то черный. Папа объяснил мне:

- Дом построен из *шлака*, поэтому и черный.
- А что такое *шлак*?
- Сгоревший уголь!
- А что такое *уголь*?
- Ну, чем мы печь топим, и от него дома тепло.
- Ах, ну это я знаю. Пап, но мама называет это золой, а не *шлак*.
- Зола от дров, но мама все так называет. Ты же знаешь, она всегда все путает.
- Согласившись с папкиными доводами, заговорщицки ему подмигнула:
- Что, поиграем в прятки? Спрячемся от мамы?

Мы охотно играли в прятки. Пряталась, разумеется, чаще я, папка помогал, мама искала. Но если была его очередь, то прятался он так, что мы чаще сдавались, чем догадывались, где он укрылся. Жили мы весело и шумно, бывали у нас гости, бывало, мы ходили и даже ночевали в гостях. Было так здорово, но иногда мама на папу сердилась, я искренне не понимала, за что.

Неожиданно пришло письмо от деда Макара, папкиного отца, оказывается, он лежит в больнице и просит приехать к ним в гости.

Отец работал, а может, просто не захотел, не знаю. В итоге поехали мама и я.

Впечатления от поездки слишком хорошо сохранились. Особенно как ехали на автобусе из Киева, дорога с такими высокими темно-зелеными деревьями.

Мама объяснила:

- Это пирамидальный тополь. Их много и в Киргизии, а на Алтае они не растут.

Затем автобус сломался, и всем пришлось идти пешком через поле пшеницы, которая оказалась высотой в мой рост. Хотя мама была не в восторге от этого. Она тащила огромный тяжелый чемодан с гостинцами, и мы частенько останавливались, а мама даже плакала и грубо ругала всех и вся.

Сердце сжималось от жалости, но я ничем не могла ей помочь. Наконец, дотащились до станции, где мы впервые прибыли на папкину родину. Тогда нас встречали на санях с лошадьми. Но это было тогда, сейчас нет.

Правда, там оказалась какая-то папина родственница, которая, радостно пообнимав и посочувствовав маминим жалобам, предложила ей велосипед:

- На нем быстрее доберетесь. А чемодан поставите на него, будет не так тяжело.

И удалась, ей надо было работать. А нам с мамой досталось, особенно, конечно же, маме.

Во-первых, мама никогда не ездила на велосипеде.

Во-вторых, он был такой огромный, что невозможно было водрузить на него чемодан.

Ой, сколько бранных слов выслушала я от мамы, пока навстречу к нам не прибежал Коля. Родственнице как-то удалось передать на хутор о нашем приезде.

Коля ловко присоединил сзади чемодан, посадил меня на раму перед собой, и мы быстро докатили до хутора, где, оставив меня, он поехал за мамой.

С уважением поглядела ему вслед. Как он вырос! Но тут же позабыла о нем.

Дом деда сильно изменился, расстроился и оказался таким большим, чисто побеленным, совсем как на Алтае у бабушки Нюры.

Внутри дома тоже многое изменилось. Вместо глиняного пола – деревянный, а рядом с деревянными нарами появилась кровать, опять-таки как у бабушки в Сибири, только новая, с блестящими душками.

Тетка Меланья, чмокнув в щечку, принялась объяснять:

- Це Иванко кровать. Он теперь у нас жених, и треба, щоб усе як у людей було.

Мне нравилось слушать украинскую речь, сразу вспомнилась бабушка Нюра, Валя.

Быстро выскочила из хаты и направилась в сад, который, кстати, тоже изменился — пополнившись новыми деревьями, появился даже мой любимый крыжовник с крупными зеле-

ными ягодами. От одного вида этих полосатеньких ягод потекли слюнки, сразу вернулась в дом, потому что была дисциплинированной девочкой и без спросу ничего не брала.

Вежливо спросила у тетки Меланьи:

– Скажите, пожалуйста, а можно нарвать крыжовника в вашем саду?

Она непонимающе уставилась на меня. Тут в самый раз мама с Колей подъехали, обнимая маму, тетка Меланья посетовала:

– Не пойму, чего малая хочет? Який-то крыжовник? Шо це таке?

Я потянула ее в сад и показала на куст.

– Так це ж ангрус! Ой, рви, ежели хочеш, но вин же кислый?

– А я люблю, когда кислый! И с наслаждением начала хрустеть зелеными ягодами.

Затем Коля взял меня с собой к своим друзьям.

С замиранием сердца спустилась с ним по ступенькам в вырытую в земле землянку. Там все было сделано как в доме, даже лампа керосиновая горела. Скамейки возле земляных стен, стол деревянный, а на земляном полу полосатые половички.

Мальчишки сидели с заговорщицким видом и снисходительно отвечали на мои вопросы. Но затем они заулыбались и приняли меня в свою компанию как равную благодаря моей грамотности. Я была развита не по годам. Умела считать до тысячи. И еще знала очень много историй и рассказов из книг. Мама частенько вечерами читала папе книги, а я не спала и тоже слушала. Хорошо запомнила «Кленовый лист» и «Жаркое лето в Берлине». Не все было понятно, и в голове вертелись вопросы, но спросить у мамы боялась. Еще отругает, что слушаю.

Зато благодаря информации из услышанных книг я была очень эрудирована.

Поэтому мальчишки заинтересовались моей персоной, дружили со мной, как с равной. Чувство собственной важности прям распирало, а внутри гордо распрямлял крылышки птенчик моей души. Коля тоже с гордостью на меня поглядывал. Лето на хуторе очень запомнилось. Впечатлений – хоть отбавляй.

Затем ездили в больницу к деду. Там меня поразил необъятно огромный сад, где было много яблоневых деревьев, ветки которых аж прогибались от ярко-красных плодов так любимых мною яблок. Меня даже угостили ими. С удовольствием уплетая, снова размечталась:

– Когда вырасту, непременно построю дом и посажу вокруг много-много яблоневых деревьев, чтобы вырос такой же сад с такими же ароматными, румяными и вкусными яблоками.

Дед все время брал меня к себе на колени, при этом восклицая:

– Ну, краля, настоящая куколка! Дуся, как это ты умудряешься ее так красиво одевать? До чего же гарна дивчинка. Красавица ты наша, – и чмокал в щечки.

Мама улыбалась от счастья, довольная тем, что дед заметил ее старания.

Мне все нравилось, но я спросила маму:

– А где большая Галя?

Мама нахмурилась и стала шепотом объяснять, что Галя теперь живет в городе в специальном доме.

– В каком доме? И почему?

– Алька, не задавай вопросов! Все равно ведь не поймешь.

– А ты объясни понятно! – возмутилась я.

Тут нас услышал Коля и сказал:

– Этот дом для ненормальных. Галька-то у нас ненормальная и есть. А сейчас наш Иван жениться собрался, вот ее и спровадили туда.

Зло посмотрела на него, подумав про себя: «Ну как он может так говорить?! Большая Галя и ненормальная! Такая ласковая, красивая». От жалости к ней заплакала и прижалась к маме, заявив вслух:

– Поехали отсюда, они все здесь такие злые. И ты, Колька, тоже.

Он оторопело уставился на меня:

– Ладно, Аль, не буду так говорить. Пошли поиграем.

Но я, расстроенная Галиной судьбой, продолжала плакать.

Коля виновато посмотрел на маму, она успокоила:

– Ничего, Коля, она поймет когда-нибудь, что так нужно было сделать.

Но я еще долго дулась на Колю, а заодно и на самого Ивана, которого знала раньше Коли и полюбила еще тогда, когда он приезжал к нам в Горняк.

Такой высокий и красивый, спокойный и важный, он тогда произвел на меня неизгладимое впечатление. Там у мамы с папой случился первый скандал, вернее драка, не знаю, из-за чего.

Но Иван так быстро всех успокоил. А потом долго играл и шутил со мной. Я была ему так благодарна. Теперь же это чувство благодарности боролось во мне с обидой за Галю и за то, что именно Иван стал причиной Галиного выселения в какой-то дом для ненормальных.

Ничего не могла с собой поделаться, внутри горько и безысходно рыдал птенчик.

Впервые мною овладело противоречие – любовь к Ивану спорила с любовью к большой Гале, и красивый мужественный Иван проигрывал в моих глазах наивной и доброй Гале.

Своим детским умишком, как любила выражаться мама, я почему-то считала, что так поступать нельзя. Галя не могла защититься, а он сильный и здоровый, казался теперь таким некрасивым и плохим, раз был виновником ее изгнания и даже не хотел заступиться за нее.

Еще я обижалась на Ивана за то, что он перестал мне нравиться. И стала избегать его, стараясь заблаговременно скрыться с его глаз. А он так и не понял ничего, слишком занятый предстоящей женитьбой на какой-то там Нине.

А потом мы уехали, так и не увидев эту загадочную Нину. Но наш отъезд омрачился похоронами молодого парня, утонувшего в ставке. Весь хутор был опечален этой трагедией. Парень жил по соседству с дедом Макара. Такой улыбчивый, разговорчивый красавец.

Он всегда находил время поговорить со мной, и, наверное, поэтому его смерть стала для меня самой первой и горькой потерей моих детских лет. Его мать так кричала.

Мы с мамой пошли даже на кладбище. Там одна сердобольная старушка показала нам заброшенную могилку папиной мамы. Старушка рассказывала нам о ней, а я жадно слушала, затаив дыхание:

– Вот туточки и похоронена мати Грицка та Гали. Христя ее було звати. Це ж писля Гали она ще двойню родила, они вмерли, вона тож не смогла оправиться, дуже хворала. А Макар вже с Меланьей путался, жинкой убитого брата, сын Иван у нее вже був. Так Христя як почув-яла, что вмирает, кликнула Грицка проститися, а вин спугався и за батькой побиг. А нашел Макара у Меланьи. Вот тогда Грицко взнал, шо батько робит. Ну опосля похорон Христи Макар и Мелания вже и поженилися. Тогда Грицко совсем из дому убег. Нияк не може батька простити.

Я слушала этот витиеватый рассказ, и сердце заходило от жалости к папке. Бедный, как он рос без мамы. Это же так страшно, когда на твоих глазах умирает самый родной и близкий тебе человек. Стало так страшно, и я сразу же прильнула к маме.

Естественно, вся радость нашей чудесной поездки сюда, на папкин хутор, куда-то улети-чилась, и не хотелось ни о чем больше думать. Жизнь давала понять, что как бы мы ни старались, не столь уж и многим нам по-настоящему дано в этом мире располагать...

Вернувшись домой, крепко-крепко прижавшись к отцу, сказала:

– Я так соскучилась. Мы были на могилке у вашей мамы.

Отец прижал меня к себе, а у самого слезы в глазах стоят. А мама заявила:

– Гриш, может, поедем обратно в Горняк? Надоела мне твоя Украина, домой хочу к своим, соскучилась очень.

Папка неожиданно тут же согласился, а я от радости аж закричала:

– Ура! Я тоже соскучилась по бабушке и Вале.

Хотя пышные благоухающие сады Украины запали в душу.

Тогда, еще не совсем все понимающим и осознающим ребенком, я почувствовала, что никогда не смогу забыть этот прекрасный мир, наполненный зеленью, белыми хатками и чарующе-пьянящим ароматом яблок.

Особенно запечатлелся в памяти наш отъезд из хутора.

К тому времени дедушку Макара уже выписали из больницы, и он повез нас на автостанцию на своей подводе.

Стояло раннее летнее утро, и свежесть прозрачного воздуха будила и бодрила.

Лошадка шла мерно, иногда потряхивая гривой, фыркала.

Мама тихо беседовала с дедом, а я любовалась разворачивающимся передо мной видом, представляя себя этаким сказочной королевой, обозревающей свои несметные королевские владения.

Поначалу шли заборы, так называемые плетни, через которые свешивались ветки с тяжелыми и спелыми яблоками, которые буквально сами просились в рот, ну чтоб их непременно скушали.

Затем вставал пронизанный солнечными лучами таинственный лес с перекликающимся гомоном птиц, и наконец выехали в безоглядное поле пшеницы.

Подставив лицо ярко-золотистым лучам утреннего солнышка, оглянулась, прощаясь, на удаляющийся лес, где по-прежнему не смолкало звонкое пение птиц. От охватившего восторга, радости и счастья внутри дивно запел птенчик.

А впереди наплывало и наплывало колышущее зелено-желтое море пшеницы, позади отставал, маня прохладой изумрудной зелени, лес, сверху лилась бездонная голубизна неба и пронизывающие все это великолепие лучи теплого летнего солнышка, в ушах звенел щебет птах.

Непередаваемое словами состояние полета, вернее сказать, парения над землей.

С тех пор, если вдруг загрущу, вспоминаю это удивительно-прекрасное утро, ставшее таким далеким, и чувство светлой радости и тоски по незабываемой красоте Украины снова переполняет мое сердце.

Вообще я мечтатель и часто чувствую, что вот-вот со мной непременно должно произойти что-то необыкновенное, хотя внутри этого боюсь – да-да, именно боюсь.

А в чудеса почему-то продолжаю верить.

Запись шестая

Когда мы вернулись в Горняк, на станции нас встречала бабушка Нюра.

Мы устроились со своими чемоданами на кузове грузовика, и меня буквально распирало от восторга, что стою рядом с отцом и ветер мощной струей бьет прямо в лицо. Пугали только рытвины на дороге, от которых нас подбрасывало вверх, и мы еще крепче цеплялись за борт машины.

Поначалу мы жили у бабушки Нюры, однако вскоре переехали на Северный поселок, где шло строительство новых домов.

Мама устроилась работать техничкой в интернат, который построили за время нашего проживания на Украине. Валя училась и жила в этом новеньком здании интерната, а я ей завидовала. Но она почему-то была недовольна и уговаривала бабушку забрать ее домой.

Приходя к маме на работу, я с удовольствием бродила по огромным классам, выглядывая из их больших окон на улицу. Особенно нравился красный уголок, где постоянно что-то происходило или оформлялось. С восхищением смотрела на это разнообразие красок, кисточек и карандашей. И если что-нибудь доставалось в подарок, то садилась и малевала, все равно что.

Вскоре мама уволилась оттуда, так как купили дом на другом конце нашего городка, на улице Алтайская. Дом принадлежал маминей дальней родственнице, о которой ходили жуткие слухи, будто она ведьма и могла превращаться в черную кошку. Мама сама лично рассказывала, как ночью повстречалась с этой кошкой, но пнула ее, и та исчезла.

Слушая эти ужасные небылицы, я цепенела от ужаса, искренне веря в эту жуть. Слава богу, что не довелось увидеть эту ведьму. Когда мы переехали в ее дом, она давно уже не жила в нем и, более того, вообще уехала из нашего города.

Дом был небольшим, всего одна комната и кухня, но с огромными сенцами. Возле дома был большой огород, который стараниями мамы процветал.

Вообще, мама, конечно же, у нас трудяга, но псих, и не дай бог попасться ей под руку в этот момент. Может огреть чем попадая. А потом плачет, сожалея о содеянном. Жалеет.

Вскоре в нашем новом доме произошел ужасный скандал, оставивший после себя тяжелое чувство горечи, обиды и слез моего внутреннего птенчика.

Мы с мамой уже спали, отец почему-то долго не приходил с работы. Проснулась от громкого стука в дверь:

– Мам, стучит кто-то? – но увидев, что мама не спит, а молча лежит и слушает, в испуге замолкла. Но, не выдержав громохання за дверью, повторила:

– Мам, ты что, а вдруг это папка стучит?!

– Он и стучит, но пусть идет туда, где был! – с непреклонной уверенностью в своей правоте ответила мама.

Заплакала, предчувствуя очередной скандал. Мать встала и, накинув халат, пошла отпирать дверь.

Разбуженный птенец внутри выжидающе затих, предчувствуя, что сейчас произойдет нечто ужасное, ведь отец поди сердит, что так долго не открывали.

Предчувствия не обманули, в сенцах раздались громкие крики брани. Затем мама, заскочив в кухню, пробежала мимо двери комнаты, где на кровати с шевелившимися от ужаса на голове волосами затаилась я, и в порыве необузданной ярости, схватив с печи чайник, она запустила его в дверь, где как раз появился отец.

Успев увернуться от летящего прямо на него горячего чайника, он с проклятиями кинулся на маму. Та, как всегда, с дурацким бесстрашием приняла бой, вцепившись в густую шевелюру отца.

Позабыв о страхе, я металась между ними, пытаюсь остановить драку, при этом на ходу натягивая на себя первое попавшее платице.

Мама упорно не сдавалась и в состоянии праведного гнева не уступала папке в силе.

Наконец выдохшись, тяжело дыша, они отступили друг от друга.

Вдруг отец кинулся в комнату и зачем-то полез на шкаф, мама, подумав, что он хочет его повалить, тут же вцепилась зубами в его палец.

Пронзительно вскрикнув от боли, он ударом кулака оттолкнул мать, упал сам и, падая, повлек за собою огромный коричневый чемодан со стеклянными елочными игрушками. Озверев от боли в руке, он стал крушить все что попало в поле его зрения.

Тут уж испугалась сама мама. Подхватив меня на руки, она выскочила на улицу.

Дверь в сенцах успела захлопнуться, как тут же по ней что-то ударилось вслед за нами, при этом музыкально всхлипнув, рассыпалось.

Прошептала:

– Мое пианино.

Мама, еще крепче прижав меня к себе, заявила:

– Все, бежим в милицию. Он совсем озверел.

– Конечно пошли, – тут же согласилась я.

В милиции мы долго кого-то ждали, потом, посидев и успокоившись, мама передумала, и мы пошли обратно. Всю дорогу уговаривала маму не идти домой, а лучше к бабушке Нюре.

Но мама, погладив по голове, успокоила:

– Не бойся, доченька, все будет хорошо.

– А ты не будешь больше на него кричать?!

– Не буду.

И мы молча продолжили свой путь по темным неосвещенным улицам, пока, наконец, не выбрались на свою, где светились желтые фонари на высоких столбах.

Но перед нашей калиткой мой птенчик внутри снова забился в страхе, когда в темноте дверного проема появился отец с огромным чемоданом из-под игрушек. Он пытался замкнуть висячий замок, но перевязанный палец мешал.

В ужасе замерла: что будет?!

Но мама решительно подошла и, плечом бесстрашно оттолкнув отца, сбросила замок.

Затем, подхватив огромный чемодан, коротко бросила:

– Пошли! – вошла в коридор, включила свет и, открыв дверь на кухню, повернулась к нам: – Ну что вы там стоите?! Давайте заходите, не бойтесь!

Папка взял меня за руку и повел за собой в дом.

Опасливо двинулась за ним, но, споткнувшись о разбитое вдребезги игрушечное пианино, отпустила руку отца. Присев на корточки возле любимой игрушки, горько расплакалась. Папка виновато погладил по голове:

– Не плачь, Алла, я тебе новое, еще лучше куплю. Пошли.

В доме мама уже наводила порядок, сметая веником разбитые елочные игрушки.

Затем, уложив меня спать, они еще долго выясняли отношения, деля между собой вещи. Мама даже захотела разрезать пополам их красивый портрет, но папка отобрал ножницы. Постепенно они утомнились, и все в доме затихло. Но я еще долго успокаивала жалобно плачущего внутри птенчика, который заходился слезами от горькой обиды на непонятных взрослых, на их равнодушие и отсутствие любви.

После этого скандала отец еще долго ходил с перевязанным пальцем, который никак не хотел заживать, оказалось, человеческий укус сильно гноится.

Как выяснилось потом, маме сказали, что у папки появилась другая женщина, поэтому он поздно пришел домой. А чайник она бросила от боли, оказывается, когда открыла дверь в сенцах, то папка ее пнул.

Но я еще долго жила с ощущением маминой вины.

Своим тогда еще детским умишком я почему-то думала, что маме не надо было так долго не открывать, тем более разбираться с пьяным. При всей моей безграничной любви к маме я по-взрослому осознавала ее главную ошибку. Умная, добрая и все знающая мама не умела быть сдержанной и терпеливой.

Ну, потерпела бы до утра, успокоилась, папка проспался, разбирайся сколько хочешь.

Внутри росло осуждение, и мама, словно чувствуя это, пыталась оправдаться, рассказывая мне, ребенку, все эти взрослые подробности.

Почему вся наша семья отличалась слишком повышенной импульсивностью и горячностью?!

Бабушка Нюра, сама такая же, осуждала маму:

– Вся в отца, Андрия. Тот еще аспид был, кулаками махать горазд. Бывало, лошадей пойдет распрягать, так если сразу не получалось, ну давай уши коням грызть, – и с горечью заканчивала: – Бешаный был, а в порыве ревности как даст по уху, аж звон идет. Ну да царствие ему небесное, отмучилась, слава богу.

С ужасом слушала, представляя, как дед грызет уши лошадям. Неужели так можно?!

Но новые события отвлекли от горьких переживаний.

Изменения произошли в Валиной жизни. Наконец-то она избавилась от интерната и закончила свой первый класс уже в нормальной школе.

Наступало лето, и, помимо огорода, у нас появилась злющая собака по кличке «Узнай». Она бегала на цепи по длинной проволоке, а мы с Валею дразнили Узнаю.

Однажды он сорвался с цепи, и мы в ужасе махом очутились на высоком заборе, с которого нас потом снял вовремя пришедший с работы отец.

Приключений у нас в этот период почему-то оказалась очень и очень много.

Как-то вечером возвращаясь с отцом от бабушки, попали в аварию. Ехали на велосипеде, я сидела перед папкой на раме. Мамы с нами не было, она ждала дома.

Неожиданно из переулка навстречу выскочил мотоцикл с люлькой. Папка резко повернул в сторону, а те, видать, тоже растерялись и свернули в нашу же сторону, отец успел скинуть меня с велика, и я приземлилась возле самой ограды, в кровь разбив свои коленки.

А мотоцикл врезался в отца, люлька проехала возле самой его головы. Не останавливаясь, мотоцикл помчался дальше.

Подняв велосипед и вытирая кровь и грязь, побрели домой. Папка хотел ехать на велике снова, но я наотрез отказалась. Пошли пешком, ведя рядом велосипед. Этот непреодолимый страх у меня до сих пор, по-видимому, из-за него так и не научилась ездить на велике, не в пример Вале, частенько катавшейся на нем.

В начале лета Валя взяла меня с собой в поход. Они всем классом после окончания школы должны были непременно сходить куда-нибудь в поход. И вот, набрав с собой еды и воды, мы пошли в парк имени Горького, который располагался на самом конце нашего городка. Далее за парком виднелся террикон шахты. До сих пор помнится гордое ощущение того, что иду в поход со школьниками, Валиными одноклассниками.

Этот парк я уже посещала с родителями. Этакie длиннющие зеленые аллеи деревьев.

Теперь же он производил совсем другое впечатление, казался огромным, загадочным, ну, совершенно незнакомым. Наверно, оттого, что листочки на деревьях были еще такие нежно-зеленые, маленькие, и сквозь них хорошо просвечивалось ярко-голубое небо.

Мы разбрелись по аллеям, с любопытством заглядывая в самые отдаленные, недоступные места. От влажной земли шел запах прошлогодних листьев, чем-то напоминающий бабушкин огород ранней весной, на котором я с удовольствием играла, греясь на солнышке, ощущая ласковые лучики на своей щеке.

После похода меня прям распирало от восторга! Всех замучила, постоянно твердя о том, как было здорово и интересно в этом *походе*.

Но всю разбушевавшиеся дни окончательно наступившего лета заставили забыть о нем, тем более появились новые друзья, с которыми я носилась по улицам, играя в мяч, особенно в *штандер*. Почему-то состояние ужаса, когда мяч летел вниз, так будоражило и веселило.

Иногда вместе с нами играла Валя.

Но пришел конец этому бурному и свободному лету, нужно было готовиться в школу.

Примерка школьной формы, фартуков, почему-то два: белый и черный, выбор портфеля. Все осталось позади, а у меня вдруг заболел глаз, словно в него попал песок. Мама повела к главному врачу, который так странно назывался *окулист*.

Я ужасная трусиха и очень боюсь врачей. Но маме надоели мои жалобы, и вот уже сижу в кожаном кресле, стуча от страха зубами.

А приветливая женщина в белом халате говорит:

– Не бойся, я только посмотрю твой глазик этим увеличительным стеклышком – и все! Ты расслабься и смотри вот сюда, – и показала на стекло в черном футляре.

Послушно посмотрела.

Затем врач что-то шепотом сказала маме, и та прижала мою голову к себе, при этом успокаивая и говоря, что ничего страшного, все будет хорошо.

Врач пинцетом вытащила из глаза нечто и засмеялась:

– Вот и все, а ты боялась. В твоём глазике, в самом зрачке, была заноза, но теперь ее нет, и все будет в порядке.

Затем она объяснила маме, как нужно промывать глаз, а потом заключила:

– Возможно, останется бельмо на глазу.

Мама сразу же запаниковала и потащила меня к какой-то знакомой бабке, которая начала что-то шептать, а потом сыпала в глаз белый порошок. Затем сказала о какой-то луне, благоприятной для лечения, и поэтому эту неделю нужно приходить к ней каждый день, и она будет заговаривать и снова сыпать этот порошок. Должно помочь.

Что самое интересное – действительно, помогло, никакого бельма, но далеко вижу плохо.

Запись седьмая

Вот и настал мой первый звонок.

Я с цветами и мамой стою на огромной школьной линейке и жду, когда же назовут мою фамилию, мысленно примеряясь к учителям. Особенно захотелось попасть к учительнице в красивом синем жакете с узорным воротником и такими же узорными карманами.

И когда она произнесла «Бордина», внутри от радости запел птенец, а я быстро пошла к ней, еле неся огромный, собранный мамой красочный букет.

Поздоровавшись и приняв букет, она так по-доброму улыбнулась мне, чем сразу же влюбилась в себя.

После линейки мы все двинулись в класс, где, рассевшись по партам, принялись бурно знакомиться, но вошла учительница и сказала:

– Тихо! Здравствуйте, дети! Давайте знакомиться. Меня зовут Анна Кондратьевна. Я ваша учительница, – и начала объяснять, что и как будем учить и много чего еще.

Но я уже была не я, а именно Анна Кондратьевна. Это имя звучало для меня как прекрасная мелодия: А-а-н-н-а К-о-н-д-р-а-т-ь-е-в-н-а...

Эта женщина стала эталоном всех моих действий, я старалась говорить, двигаться, даже улыбаться, как она. На пьедестале моих ценностей теперь царила только Анна Кондратьевна. Решила непременно стать учительницей – с музыкой и балетом покончив навсегда.

В школе дела шли нормально, училась хорошо, но не отлично. Ввиду своей стеснительности не хотелось быть в первых рядах, чем очень огорчала маму. Но я боялась говорить перед всем классом, хотя понимала и соображала очень быстро.

Несмотря на эту самую стеснительность, я была общительная, и друзей хватало, особенно подружилась с Наткой Носковой. Хотя эта невзрачная с виду девочка притянула к себе, скорее всего, своим именем – Натка, чем сама по себе. Ну, помните Натку в «Военной тайне»?!

Когда я попыталась ей сказать, что у нее такое же красивое имя, как у героини Гайдара, то неожиданно для меня выяснилось: она понятия не имеет о «Военной тайне», и вообще, ей никто ничего не читал. Мне стало жаль ее, и я вкратце рассказала о «Военной тайне».

Натке так понравилось, и она все время просила меня что-нибудь рассказать.

А я вдруг обнаружила наслаждение от пересказывания того, что читала мама.

Вот так мы стали друзьями и даже ходили ночевать друг к другу, хотя мама мне категорически это запрещала. Она не любила, чтобы я ночевала у кого-либо.

Когда мы жили еще в Свердловске на Украине, мама читала папе «Молодую гвардию», и Олег Кошевой стал моим любимым героем. Родители часто говорили о комсомольцах Красного Дона и рассуждали, что это совсем недалеко от Свердловска. Я же в ужасе закрывала глаза, мне слышался их стон из заваленных шахт, словно он еще до сих пор звучит.

Вот, под впечатлением «Молодой гвардии» я и влюбилась в одноклассника Олега Куликова. И хотя он не был Кошевым, одного имени оказалось достаточно. Я во всем видела его сходство с настоящим Олегом. К тому же он был светловолосым, а остальное я уже придумывала сама.

Короче, призналась об этом Натке, та меня поддержала, и теперь мы не сводили с него глаз. Вот такая любопытная возникла ситуация.

Куликов так и не узнал о моей любви, но почему-то при встрече с ним мой птенец внутри так трепыхался, а я, наоборот, вся замирала.

Наступил Новый год, первая школьная елка!

Хотя в памяти осталось только много-много народу, хоровод возле пушистой огромной красавицы елки, кулек с конфетами и мама, восхищающаяся палочками зефира:

– Нет, ты правда не хочешь?! Ну и дуреха же ты, Алька, это ж такая вкуснятина!!!

– Ну и ешь сама, а мне не нравится.

Хорошо помнится зимняя дорога домой, заснеженный тротуар, превратившийся в сплошной каток, по которому еду на своем портфеле. За что частенько перепадало от мамы. Но так здорово катиться по нему, жмурясь от мелькающего света фонарей на столбах.

Мама говорила, что так поступают только хулиганы, а примерные девочки нет.

Но я только посмеивалась внутри, чувствуя, будь на моем месте, она каталась бы тоже.

Первый класс закончила ударницей, без троек, мама хвалила, но тут же сетовала:

– Могла быть отличницей. Постарайся, Аль!

Особенно маму удивляли мои трудности со чтением. А мне просто не хотелось читать по несколько раз одно и то же. Я читала один раз, пусть и по слогам, но сразу же улавливая суть содержания, читать второй раз было совершенно неинтересно.

Я всегда стремилась, да и стремлюсь к новому, еще неизвестному, чтобы побыстрее понять окружающий мир. Увы, это не вписывалось в школьные правила.

Короче, училась, росла, постепенно превращаясь в девочку, совсем непонятную даже самой себе, не то что другим.

Впрочем, внутренний страх и стеснительность научили быть скрытной.

Моим самым большим увлечением стало чтение, которое и осталось любимым надолго. Как только научилась читать, тут же захлеб зачитывалась своими любимыми сказками.

Я обожала жить с моими героями: сопереживала и плакала, когда что-то шло не так, возмущалась и обижалась, если вдруг побеждало зло...

А когда сказки имели счастливый конец – тут уж все ярко сияло «радужным цветом» и превращалось в настоящий праздник. Смешно и грустно вспоминать эти удивительно чистые детские дни, когда все казалось возможным и все было абсолютно реальным.

Настолько реальным, что я не могла тогда даже предположить. Это произошло, когда я с очередным упоением читала одну из своих любимых сказок «Финист – Ясный Сокол».

Ощущение было настолько ярким, что помню, как будто это случилось только вчера. Привычный мир вдруг куда-то исчез, и я оказалась в своей любимой сказке. Я имею в виду – по-настоящему оказалась. Все вокруг было реально живое, движущееся, меняющееся... и потрясающее.

Я не знаю, сколько пробыла в этом удивительном мире, но когда это вдруг исчезло, внутри осталась только какая-то болезненно-глубокая звенящая пустота.

Казалось, что наш «нормальный» мир вдруг потерял все свои краски, настолько ярким и красочным было мое странное видение. Совсем не хотелось с ним расставаться, не хотелось, чтобы это кончалось. И тогда начала сама придумывать и сочинять героев и персонажей в выдуманном уже мною мире...

Надо сказать, сказку «Финист – Ясный Сокол» нашла в бабушкином огромном сундуке, там же оказался в каком-то древнем переплете синего цвета первый том сочинений Пушкина.

Сказка же была тоненькой книжицей, но так красиво оформленной чудной выющейся вязью...

Запись восьмая

Маму по-прежнему тянуло куда-нибудь поехать, и она стала уговаривать отца в новое путешествие – за какой-то неизвестной лучшей долей:

– Гриш, если бы ты только видел, как красиво в Токмаке! – с воодушевлением начала она. – Теп-лынь!!! А какие фрукты! Поедем попробуем устроиться там. На первое время у дяди Павла остановимся, а там видно будет, снимем где-нибудь комнату. Поедем, а?

Ну кто сможет устоять перед маминой напористостью?! Никто! Вот и отец не устоял.

Быстренько продав дом со всем скарбом, а остальное упаковав в чемоданы, мы уже ехали в плацкартном вагоне, предвкушая встречу с жаркой Киргизией.

Мама расписывала нам Токмак как южный рай, расположенный в предгорьях Тянь-Шаня. Мы с интересом слушали, особенно я – представляя этот юг, что-то в виде восточной сказки.

В Алма-Ате нам надо было делать пересадку на другой поезд.

Всезнающая мама, прокомпостировав билеты на два дня позже, решила навестить проживающих в Алма-Ате родственников – бабушкиных сестер – тетю Катю и тетю Марусю, заодно и брата Виктора с его женой Манечкой. Которые сразу же после свадьбы уехали жить в Алма-Ату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.